

Бигун Ольга Альбертовна,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Киев, Украина

ОБРАЗ МОНАСТЫРЯ В ПОЭЗИИ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО: РЕЦЕПЦИЯ И ТИПОЛОГИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ АГИОГРАФИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Статья опубликована в сборнике «Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность» - Вып. 7. – Ростов н/Д: Академцентр, 2014. – С. 37–44.

Современные методики в сравнительном литературоведении все чаще склоняются к перспективам интердисциплинарных стратегий, отличительной чертой которых является уход от эссенциализма литературности в сторону культурных кодов, конвенций и репрезентаций. Актуальными моделями становятся культурологические подходы, которые привносят в теорию литературы необходимую и желаемую открытость на целостность практик культурного универсума. Так, И. Лагутина фиксирует превращение литературоведения на современном этапе в «культурную компаративистику» – изучение «живых» взаимосвязей литературного текста и культурных моделей эпохи» [8: 90]. Преимущества этого «культурологического переворота» [2: 464] в том, что совмещая дифференцированные культурные контексты, можно значительно расширить горизонты интерпретации литературного текста.

В свете тенденций развития современной теоретической компаративистики в нашем исследовании для изучения образа монастыря в творчестве Т. Шевченко привлечена актуальная концепция *иеротопии*, не так давно вошедшая в тезаурус историков, культурологов и искусствоведов. Создатель этой концепции А. Лидов утверждает, что термин *сакральное пространство* имеет слишком общий характер, охватывая практически всю сферу религиозного. Ученый предлагает дополнить *иерофанию* М. Элиаде термином-понятием *иеротопия*, задача которого – обозначить сакральное пространство как осмысленную и сформированную человеком в процессе

творческого созидания (литургия, молитвословие, иконопись, архитектура, драматургия света и т. п.) конкретную среду для общения с Высшими мирами [10: 10-11]. Целью нашей статьи является исследование рецепции и типологии образа монастыря в творчестве Т. Шевченко сквозь призму иеротопной модели культурологических стратегий.

Нельзя не обратить внимание на многочисленные упоминания монастырей и храмов в произведениях Т. Шевченко. В ряде случаев поэт оперирует их названиями или дает четкие описания, следуя которым угадывается то или другое святое место. Так, Киево-Печерская Лавра упоминается в поэмах «Ведьма», «Наймичка», «Слепой», Почаевская Лавра и Межигорский Спасо-Преображенский монастырь появляются в поэмах «Слепой» и «Чернец», стихотворении «Заслонило черной тучей...», Холодноярский Мотронинский мужской монастырь изображен в поэме «Холодный Яр» и стихотворении «То псхальное воскресенье...», Свято-Троицкий Мотронинский женский монастырь («Княжна»), Борисоглебская церковь в Вышгороде («Чернец»). Церковь в Лебедине (точно не установлено, речь идет о церкви св. Николая или о церкви св. Варвары Великомученицы Свято-Николаевского Лебединского монастыря) стает местом венчания в поэме «Гайдамаки». В стихотворениях неоднократно упоминаются церкви Чигирина, среди которых Спасская церковь, что не сохранилась («Гайдамаки»), Богданова (Ильинская) церковь в Субботове («Стоит в селе Субботове...», «Заслонило черной тучей ...») и т. д. Примечательно, что храм как доминанта художественного замысла фигурирует во многих живописных полотнах Т. Шевченко – это офорт «Видубецкий монастырь», акварели «Воздвиженский монастырь в Полтаве», «В Густыне. Церковь Петра и Павла», «Михайловская церковь в Переяславе», «Вознесенский собор в Переяславе», «Церковь Покровы в Переяславе», «Мотронинский монастырь», «Богданова церковь в Субботове», сепия «Церковь Всех Святых в Киево-Печерской Лавре» и др. Причину такого пристального внимания Т. Шевченко к образу храма Л. Ушкалов видит в том, что «христианский храм он (Т. Шевченко. – О. Б.)

воспринимает как сакрализованное сочитание разных видов искусства» [15: 194].

Это наблюдение может стать основанием для обнаружения типологического сходства *Imago Templi* (термин Ш. Шукурова) поэта с храмовым сознанием древнерусской христианской культуры, которая, как известно, и предстала благодаря чувственному восприятию символов, образов, знаков как атрибутивных элементов искусства и священных текстов. Об этом свидетельствует хорошо известный эпизод выбора веры русичами в «Повести временных лет»: «... *пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали - на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, - знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмет потом горького*» [12]. Так, впечатления, что призвела византийская литургия в христианском храме на послов князя Владимира, стали определяющими в вопросах выбора веры. Следовательно, восточно-христианская традиция в большей мере, чем западно-христианская соотносится с Храмом, ведь народы Запада были обращены в христианство стараниями миссионеров впоследствии пространственных наставлений и проповедей, а для русичей в окончательном решении выбора веры стало откровение, которое они испытали во время посещения храма [4: 22].

Для реконструкции образа монастыря в творчестве Т. Шевченко особо важным является факт тесного знакомства поэта с духовно-религиозной литературой, пиетет к которой он испытывал до последних дней жизни [см. дет.: 1]. Однако, нельзя однозначно утверждать, что именно оттуда Т. Шевченко почерпнул свои идеи для воспроизведения образа монастыря, но учитывая историко-культурный контекст эпохи и индивидуальные интенции поэта, можно предположить, что рецепция этого знакового символа обусловлена его близким знакомством с древнерусскими литературным наследием. Заметим, что именно в древнерусских литературных памятниках

образ монастыря стал частью общекультурного контекста, поскольку христианская традиция оставалась определяющей для художественно-литературного мышления на протяжении многих веков. Отражение этой традиции нашло свой отклик и в творчестве Т. Шевченко, в котором, как утверждает Е. Лебедь, с новой силой реализовался христианский код украинской литературы [9: 46].

На начальной стадии христианизации Киевской Руси. монастыри и соборы являлись оплотом веры. Важную роль в создании духовного пространства монастыря имели его насельники – монахи, ведь именно благодаря их подвижничеству и сам монастырь был «славен». Известно, что в православии уделяется особое внимание вопросам веры как веры деятельной, не голословной, а подкрепленной реальными делами, наглядной добродетелью, социальным служением, о чем неоднократно напоминали в наставлениях, словах, посланиях Илларион Киевский, Клим Смолятич, Кирилл Туровский, Иов Печерский, киевские игумены, упоминающиеся в Киево-Печерском патерике. «В то же время, – отмечает В. Климов, – нельзя не констатировать, что благодаря неустанному вниманию древнерусских авторов-монахов к проблемам деятельной веры («подвизайся в ней добрыми делами»), которая распространяется даже на христианское отношение к иноверцам, в течении длительного времени таким энергичным церковно-монастырским деятелям, как Феодосий Печерский, Иов Борецкий, Иов Почаевский, Иов Княгиницкий, Петр Могила, Сильвестр Косов, Иннокентий Гизель, Лазарь Баранович, Димитрий Туптало, Георгий Конисский, Михаил Значко-Яворский и др. удалось превратить монашескую, монастырскую институцию в значимую духовную, культурно-просветительскую, общественную, политическую и экономическую силу» [7: 210]. Важная культурно-просветительская роль монастыря была предопределена не столько доктринально-конфессиональными особенностями (хотя частично определялась ими), а тем положением, которое занимала церковь в обществе. Напомним, что церковь функционировала как

идеологический, политический, а со временем, и культурный интегратор, отстаивая, в первую очередь, теологичность средневекового мировоззрения.

Среди монастырей, ставших базовыми культурно-просветительскими центрами, а также основными идеологическими институтами Древней Руси, ведущую роль отводят Печерской обители, которая подарила миру творение не только исторического значения, но и достойный литературный памятник своего времени – Киево-Печерский патерик. Популярность Патерика прежде всего объясняют принадлежностью к агиографическому жанру. Агиографические произведения, посвященные описаниям житий святых, подвижников, угодников и пр. адресовались отнюдь не узкому кругу интеллектуальной элиты. Жития в то время представляли предмет ежедневного чтения для широких масс [3: 59]. Авторы Киево-Печерского патерика, коими считают двух представителей древнерусского христианского мира Симона и Поликарпа, опирались на достаточно значительный фонд отечественных и переводных источников, среди которых «Житие Феодосия Печерского», Ростовская летопись, монастырский Синодик, «Паренесис» Ефрема Сирина, «Листвица» Иоанна Листвичника, «Луг Духовный» Иоанна Мосха, «Синайский патерик», «Пролог» и пр. В целом, тексты Патерика отображают тогдашние представления о человеке и мире, которые переплетаются с церковными догмами и постулатами христианской этики, однако главное внимание этого сборника сосредоточено на изображении внутреннего мира человека.

Основополагающими в Патерике являются представления о моральном идеале, об особенном моральном состоянии, нацеленном на «Царство Божие» – идеальное преобразование мира, о котором благовествовал Иисус Христос. Учитывая принадлежность Патерика к средневековому святоотеческому наследию, наибольшие христианские добродетели в нем сконцентрированы в понятии «святости», базовом компоненте философской культуры того времени. Духовная традиция Киевской Руси заимствовала византийскую парадигму святости с некоторым перемещением акцентов. Так, для древнерусской агиографии характерна актуализация, акцентирование на том, что «Царство

Божие» уже среди нас, следовательно, сюжет повествования сконцентрирован не только на людях, просветленных верой, но и на «святых местах» – точках идеального мира. С этой стороны Киево-Печерский патерик также является показательным, поскольку в нем, как отмечает В. Горский, «рядом с жизнеописанием святых обосновывается святость места, которое занимает монастырь и прежде всего – храм Успения Богородицы как сакральный центр, который олицетворяет святость монастыря в целом» [3: 76]. Знаменательно, что именно в первом «Слове» Патерика, речь идет о происхождении церкви Успения Пресвятой Богородицы. Согласно рассказу, образ церкви явился варягу Симону (после крещения Симону) на небесах во время путешествия морем [6]. Авторами Патерика используется хорошо известный композиционный эпизод «чудесного знамения», призванный подчеркнуть сакральность определенного локуса. Как утверждает Е. Рыжова, истоки сюжетного мотива «выбора места основания монастыря с помощью чудесных знамений» следует искать в житиях раннехристианских подвижников, в которых нашла свое отражение традиция основания монастыря или храма на особом, согласно Божественному провидению, месте [14: 91]. Так, в древнерусской агиографии проявляется рецепция византийского канона. Наличие подобных «общих мест» в древнерусских и византийских агиографических памятниках исходит из практики переводов византийской и греческой агиографии, в процессе которой, как предполагает Хр. Лопарев, определенный набор топосов был автоматически перенесен на древнерусскую почву [11: 39].

Ученые-византологи полагают, что в пределах пространственной христианской иконографии византийский монастырь служил не столько олицетворением божественного, сколько местом перехода к нему. Однако главная монастырская церковь часто понималась как христианский микрокосм [13: 179]. Преимущество этой византийской доктрины ясно проступает в рассказах Киево-Печерского патерика, из коих следует, что монастырь в идеологии его черноризцев и прихожан действительно мыслился как место перехода, пути в рай, а монастырская церковь почиталась как место наивысшей

святости, отражающее небесные сферы. Так, избранность места для Печерского монастыря в рассказах Патерика подтверждается многочисленными явлениями Богородицы, которая активно демонстрирует свое отношение к строительству монастырской церкви. В частности, говорится о том, что Богородица дарует мощи семи мучеников и икону, предназначение которой – быть наместной в храме. Пресвятая также приглашает иконописцев из Константинополя и мастеров-греков. Богоизбранность церкви неоднократно акцентируется в «Словах» Патерика: *«Этой же церкви создатель, и устроитель, и художник, и творец — сам Бог, который своим божественным огнем спалил вещи тленные, деревья же и горы сравнял для дома Матери своей на благо рабов своих»* («Слово 3») [6].

Примечательно, что такой признак святости, как чудо в Патерике сопровождается не обычной психосоматической реакцией – удивлением, а трепетом, просветлением, восхищением. В произведениях Т. Шевченко лирические герои неоднократно переживают подобные состояния. Так, в поэме «Варнак» проявляются типологические сходства с онтологическими характеристиками чуда, что встречаются в агиографических источниках: *«И вижу / Киев пред глазами. / Будто в воздухе повис он, / Святые сияют храмы...»* [16: 361]. Как и в житийных рассказах, «чудное» событие вызывает у лирического героя отнюдь не удивление, а слезы рассказания и просветление: *«Я смотрю – и цепенею. / <...> / И я плакал, / До полудня плакал... / И легко мне сразу стало: / И малого знака / Прежней тоски не осталось, – / Как переродился...»* [16: 361]. Очевидно, что чудесное знамение подвигает главного героя на путь познания Бога, на котором нивелируется «суета мира сего» и открывается онтологическая радость. Отметим, что в поэме храмы имеют привилегию «розговаривать с Богом», следовательно, такая милость дарована им Всевышним: *«Храмы, словно с самим Богом / В беседу вступают»* [16: 361]. Важной деталью, которая указывает на рецепцию Т. Шевченко древнерусской агиографии является понятие церкви как центра отражения небесных сфер:

«Тихо зазвонили / В Киеве, – как бы на небе... / О Боже мой милый, / Сколь ты дивен» [16: 361].

Следует отметить еще одну особенность монастырской традиции Древней Руси, заимствованную у Византии, а именно – монастырь как *modus operandi* паломничества. Так, в Киево-Печерском патерике подаются и примеры исцеления, и другие проявления чудесных превращений. Герои призываний Т. Шевченко также довольно часто возлагают надежды на чудодейственные силы святых мест. Например, Ярина, героиня поэмы «Слепой», ждет счастливого возвращения с войны своего любимого, уповая на Божье покровительство: *«Ко всем киевским святыням / С мольбой обращалась, / У Межигорского Спаса / Трижды причащалась. / И в Почаеве священном / Рыдала, молилась...» [16: 241].* В поэме «Наймичка» главная героиня неоднократно идет в Киев, в Киево-Печерскую Лавру, как это следует из текста, чтобы вымолить прощение за грехи молодости и уберечь сына и его семью от всевозможных напастей: *«Трижды речка замерзала / И трижды вскрывалась; / Трижды в Киев работницу / Катря провожала / Как мать свою. И в четвертый / Её проводила» [16: 275], «...в лавре купила / Марку шапочку святую / С Ивана святого, / Чтоб голова не болела / У Марка родного. / И колечко от Варвары / Невестке достала, / И, всем святым поклонившись, / Домой возвращалась» [16: 274].* В приведенных примерах подспудно присутствует «стремление к сакральным центрам», характерное для древнерусской паломнической литературы с возможностью мистического преображения или приобретения религиозных признаков «благодати» через причастие к святому месту [5: 69].

Как показали наши наблюдения, идея монастыря в произведениях украинского поэта близка к восточно-христианскому трактованию «святости». Типологические аналогии образа монастыря в древнерусской агиографии и произведениях Т. Шевченко проявляется в характеристиках вневременности, идеально-вечного и неизменного, интегративном восприятии святой обители

как особенной зоны сакрально-онтологического и функционального содержания.

1. *Бігун, О. А.* Byzantinum: Pro et Contra (Амбівалентність візантійства у творчості Тараса Шевченка) [Текст] / О. А. Бігун. – Івано-Франківськ: Місто НВ, 2014.
2. *Бужинська, А.* Культурологічний переворот теорії [Текст] / А. Бужинська // Теорія літератури в Польщі. Антологія текстів. Друга половина ХХ-початок ХХІ ст. – К.: Вид. дім «Києво-Могилянська Академія», 2008. – С.429-467.
3. *Горський, В. С.* Нариси з історії філософської культури Київської Русі (середина ХІІ–середина ХІІІ ст.) [Текст] / В. С. Горський. – К.: Наукова думка, 1993.
4. *Демчук, Р.* Формування репрезентативних міфологем на теренах України / Р. Демчук // Магістеріум. – 2009. – Вип. 34. Серія: Культурологія. – С. 21-30.
5. *Завгородній, Ю.* До характеристики просторово-часових уявлень доби Київської Русі [Текст] / Ю. Завгородній // Духовна спадщина Київської Русі. – Вип. 1. – Одеса: Маяк, 1997. – С. 67-72.
6. Києво-Печерський патерик [Електронний ресурс]. <http://www.old-ru.ru/03-4.html>
7. *Климов, В.* До питання про філософсько-богословську інтерпретацію інституту чернецтва, практики подвижництва та аскетизму у творах вітчизняних ченців-мислителів [Текст] / К. Климов // Українське релігієзнавство. – № 47. – 2008. – С. 204-213.
8. *Лагутина, И. Н.* Сравнительное литературоведение [Текст] / И. Н. Лагутина // Проблемы современного сравнительного литературоведения. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – С.83-98.
9. *Лебідь, Є. М.* Метатекст поезії Тараса Шевченка та українська література: давня і нова доба [Текст] / Є. М. Лебідь. – К.: Наукова думка, 2012.

10. *Лидов, А. М.* Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования [Текст] / А. М. Лидов // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М.: «Прогресс-традиция», 2006. – С. 9-31.
11. *Лопарев, Х. М.* Греческие жития святых VIII и IX веков: Опыт научной классификации памятников агиографии с обзором их с точки зрения исторической и историко-литературной [Дис.]. Ч. 1. / Х. М. Лопарев. – Пт.: Тип. Академии наук, 1914.
12. Повесть временных лет / Перевод Д. С. Лихачева [Электронный ресурс]. <http://www.lib.ru/HISTORY/RUSSIA/povest.txt>
13. *Попович, С.* Византийский монастырь: его пространственная топография и проблема сакрального статуса [Текст] / С. Попович // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. – М.: «Прогресс-традиция», 2006. – С. 150-195.
14. *Рыжова, Е. А.* Мотив выбора места основания монастыря в русской агиографии [Текст] / Е. А. Рыжова // Известия Уральского государственного университета. Сер.2, Гуманитарные науки. – 2009. – № 1-2 (63). – С. 91-101.
15. *Ушкалов, Л.* Есеї про українське бароко [Текст] / Л. Ушкалов. – К.: Факт, 2006. – 284 с.
16. *Шевченко, Т. Г.* Кобзарь [Текст / Пер. с укр.] / Т. Г. Шевченко. – К.: Дніпро, 1983.